

Коллектив авторов

**Альманах «Достояние России
», выпуск № 1**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
К60

Коллектив авторов
К60 Альманах «Достояние России», выпуск № 1 / Коллектив авторов – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2025. – 128 с.

ISBN 978-5-907720-58-9

Издательский и книготорговый холдинг «СЛАВЯНСКОЕ ГОСУДАРСТВО» представляет ещё одно уникальное издание — литературно-художественный альманах прозы и поэзии «Достояние России».

В эту книгу вошли произведения авторов-финалистов Международной литературной премии «Достояние России». Среди них как маститые писатели и поэты, так и начинающие авторы.

Стихи и проза в этом альманахе отражают богатство и глубину русской культуры, где произведения авторов несут в себе силу и красоту слов, которые посвящены истории и современности, любви к Родине и её наследию, отношению к миру и самым близким людям и, конечно же, природе. В альманахе «Достояние России» каждый найдёт что-то близкое и родное.

«Достояние России» — это не просто сборник, это возможность открыть для себя новые имена талантливых авторов и насладиться прекрасными произведениями. Подарите себе встречу с истинным искусством слова!

Приятного прочтения!

ISBN 978-5-907720-58-9

© Lennex Corp, 2025
© Коллектив авторов, 2025

Коллектив авторов

12+

Альманах ДОСТОЯНИЕ РОССИИ

Выпуск № 1

Стихи и проза

Санкт-Петербург, 2025

УДК 82-822
ББК 84(2=411.2)6-5
А57

А57 Альманах «Достояние России», выпуск № 1: стихи и проза /
ред.-сост. А. В. Иванникова (Дементьева). —
Санкт-Петербург: Издательский и книготорговый холдинг
«СЛАВЯНСКОЕ ГОСУДАРСТВО», 2025. — 128 с.
ISBN 978-5-907720-58-9

Дорогие друзья!

Издательский и книготорговый холдинг «СЛАВЯНСКОЕ ГОСУДАРСТВО» представляет ещё одно уникальное издание — литературно-художественный альманах прозы и поэзии «Достояние России».

В эту книгу вошли произведения авторов-финалистов Международной литературной премии «Достояние России». Среди них как маститые писатели и поэты, так и начинающие авторы.

Стихи и проза в этом альманахе отражают богатство и глубину русской культуры, где произведения авторов несут в себе силу и красоту слов, которые посвящены истории и современности, любви к Родине и её наследию, отношению к миру и самым близким людям и, конечно же, природе. В альманахе «Достояние России» каждый найдёт что-то близкое и родное.

«Достояние России» — это не просто сборник, это возможность открыть для себя новые имена талантливых авторов и насладиться прекрасными произведениями. Подарите себе встречу с истинным искусством слова!

Приятного прочтения!

УДК 82-822
ББК 84(2=411.2)6-5

ISBN 978-5-907720-58-9

© Коллектив авторов, текст, 2025
© Иванникова (Дементьева) А. В.,
автор проекта, 2025
© Издательский и книготорговый холдинг
«СЛАВЯНСКОЕ ГОСУДАРСТВО»,
издание, 2025

**Финалисты I Международной литературной
премии «Достояние России»**

Любовь БОГОМЯГКОВА

Любовь БОГОМЯГКОВА

Моё рождение

Когда уже деревья зеленели
И свежестью пропитан воздух был,
В лесу не умолкали птичьи трели,
И звон колоколов над миром плыл,
Когда друг с другом люди целовались,
«Христос воскрес!» с любовью говоря,
Друзей увидев, нежно обнимались,
Встречая Пасху на рассвете дня,
Когда подснежник к солнышку пробился,
Тогда казалось: счастлива Земля.
В семье сказали: «Человек родился!»
В тот день на свете появилась я.

Мой мир

Я проснулась опять: что-то ночью мне снова не спится...
Моя рифма танцует над новеньким белым листом...
Годы просятся вспять, и мелькают они вереницей,
Заставляя подняться и вспомнить о прошлом, былом...
В детстве, помню, меня нежно камские воды качали,
Когда в лодке простой я по речке знакомой плыла,
И родительский дом вспоминается в самом начале...
Заводной и послушной, ответственной очень была.
Мир весёлый, шальной, а порою и очень серьёзный,
Обнимал, целовал, одобряя намеченный путь,
И прощал мне ошибки, жалеть о которых уж поздно:
Прошла юность моя, и её никогда не вернуть.
Мир меня провожал институтской весёлой улыбкой
В школьный класс, где всегда ждали сотни ребяческих глаз...
Год за годом жила, открывая как книгу калитку...
Счастье долга я в этом познала, скажу без прикрас.
А семейный мой плот вмиг разрушила зимняя выюга,
И казалось тогда: мне не выплыть и не уцелеть...
Навсегда потеряла любимого верного друга,
Только дети спасли и работа, не дав умереть...
Мир кругом так же жил, расцветая черёмухой белой, —
Чёрной птицей кричала печаль над моей головой...
Но судьба научила быть сильной, упрямой и смелой,
Устилая дорожки багряной и жёлтой листвой.
Мир сверкает сейчас разноцветною радугой яркой,
И мне хочется верить, что худшее всё позади...
Преподаёт порой он с любовью такие подарки,
От которых становится сладко и жарко в груди.

И так хочется петь и лететь высоко с облаками,
Точно зная, что я ещё людям знакомым нужна...
Пусть согреет Любовь, обнимая всех близких руками,
Пусть продолжится Жизнь, пока не порвётся струна.

Не каждый может так — для всех открыто
Сказать правдиво обо всём, что на душе...
Как много было в жизни пережито...
Конечно, помнится «рай с милрой» в шалаше...
Бывало всяко в молодые годы:
Весна в сердцах у нас, беспечные мечты...
А если вдруг встречались нам невзгоды,
То исчезали они в лоне красоты.
И каждый день, как новый миг, сначала,
И мчалась вихрем нашей жизни круговерть,
То радостью, то грустью обнимала...
Не думали о самом страшном слове — смерти...
Я много близких в жизни потеряла,
Но слову этому прорваться вслух не дам:
В душе огонь — любить не перестала...
Боюсь я срочных и неожиданных телеграмм...

Илья БРАГИН

Дедушка

Дедушка был очень странным человеком. Он старательно являлся чудачком. Он всегда мечтал воспитывать так, чтобы воспитание было не постаментом, а памятником, не запретом, а разрешением, не догмой, а воздаянием. И это ему удавалось. Когда он заболел, то сказал мне одну, всего одну фразу: «У меня в желудке расцвела лилия». Одну фразу и больше ничего. Это потом уже я понял, откуда. Лет через двадцать. Не помню автора, но сюрреалистический рассказ говорил о реальности в том ключе, что смертельные болезни предстают в виде цветов. Читал он это? Или сам выдумал? Не знаю, однако и без книги я понял всё, что дед вложил в эту странную выходку. Мне расхотелось страдать вместе с ним. Я должен был принадлежать иному миру и помогать иными средствами. Например, получая тройку в школе, я верил, что если правильно аннигилировать восприятие, то дедушке станет легче.

Не в плане рекламы, так как медитацию рекламировать нелогично: она ведь принадлежность духовного мира, а реклама — это плоть мирская, но очень хочется поделиться. На психологических курсах нам подали такое: если вам в жизни не хватает любви, то представьте детство, своего родственника — маму или бабушку — и осторожно подмените его на себя в воображении. И ощутите его мысли и чувства о вас. Я сразу вспомнил деда. Дед сидел за своим письменным столом в переднике, который издавал запах канифоли и олифы и что-то паял. Паял он часто. Стол был

идеально прибран. Порядок и педантичность были кумирами деда. И дед, который представлял мне, маленькому, Богом, — любил. Меня. Сидел и любил. То есть даже не отвлекался. Ну, мало ли что ты делаешь — если поблизости внук, то любовь не должна прекращаться ни на минуту. Она воздевала меня к небесам и проникала во все фибры и ложбинки моей детской души. Дед, если бы меня осудили на Страшном Судище Господнем, просто подошёл бы к Судии, потрепал бы его за вихры, превратив в трепетного мальчугана, и объяснил бы лаконично, что его внук виноват быть просто не может. Это, видимо, какая-то ошибка или недопонимание. И Судия бы внял, так как дедушка пользовался непререкаемым авторитетом.

За столом своим дед сидел часто. Однажды он предложил мне попаять. Надел на меня фартук, усадил за стол, показал, как макать паяльник в канифоль и как брать олово на кончик, и как подносить его к проводочку, на котором расплавленный металл, размазавшись, застывал подобно льду, соединяя провод с деталью. У меня прекрасно всё получилось, и дед радостно засмеялся. И посмотрел полными любви глазами. Внук умеет всё. Он не учится. Он знает. Я почувствовал, как мистические силы переходят из деда в меня, и понял — это от Бога. Дед вливал в меня уверенность, что я мастер. Потом он купил где-то приёмник в виде разрозненных деталей и схему к нему. И мы вместе спаяли его маленькое тельце, умещавшееся на двух ладонях в красном пластмассовом гробике. Помню, как в одну из возрастных истерик я запустил приёмником в стену, что было воспринято как аргумент крайней степени важности, так как приёмник был раритетом в моей духовной составляющей. Мама и бабушка поняли претензии юного террориста и сразу выполнили все мои требования. Приёмник не пострадал. Он даже не раскололся.

Дед меня обожал. Помню, как мы ездили в Павловск. В детстве. Семья стояла на вершине холма и сладострастно соблюдала режим обожания маленького человечка. В ту пору я не знал ни страха, ни обиды. Съезжать на санях по склону, воздевая к радостному небу фонтаны снежных брызг, было заповедно и желанно всему холму, ибо Вселенная ограничивалась его размерами. Молодые девушки и парни с уважением взирали на массивного гиганта в ду-блёнке, который, казалось, покрывает всё своей любовью и силой доброжелательства. Дед, кстати, совершенно не знал самолюбия и скромно взирал на обожателей, как бы отвечая им взаимностью.

На этом же склоне лет через двадцать я погрозил Богу кулаком, в результате чего моя депрессия оказалась безвыходной. Правда, со мною были двое пацанов из школы, в которой я преподавал литературу. Но они не поняли или сделали вид, что не замечают. Из деликатности. А денёк выдался тогда славный. Мы даже жгли костёр и возили друг друга на санках. Бог меня и простил. За доброту. Но постепенно зло и страх подкрадывались ко мне до тех пор, пока я и вовсе не превратился в сумасшедшего. Правда, я многому научился и даже стал сильнее страха и боли, но это потом. А пока, а пока я даже не верил, что Бог, возможно, добрее дедушки, и что он может простить невинное потрясение кулаком в воздухе. Мне казалось это страшным грехом, и я боялся.

Помню, дед сделал мне рогатку. Он знал, что я не буду стрелять по птицам и кошкам, и просто решил побаловать внучка. Ну, разобью я пару бутылок на помойке — надо же мне знать, что меня не накажут. Надо же любить свои детские приключения и похождения. А то про Тома Сойера мы читаем, Карлсона уважаем, а как до рогатки дело дойдёт — сразу шиш. И всё бы ничего с устоями, но вот принёс я эту рогатку в школу и, выйдя на переменке на крыльцо, при-

кинул, как хорошо бы стрельнуть в окошко кабинета труда... Просто прицелился. И вот тебе раз — из-за поворота вышла директор школы, Жанна Эриховна, и сразу кабинет труда вырос в моей душе до мистических высот, и совесть глупо обличила меня в моём варварском и невежественном поведении. Зато внутри было ужасно смешно. Ведь никто не знает правды! Я же только прицелился... Но этот жалкий шёпот никто не слышал... Дедушку вызвали в школу. Он не скрыл от директора факт сотворения рогатки и покорно выслушал всё. Говорили о воспитании. Деда я, естественно, не выдал. И он, разумеется, меня не ругал. Рогатка сломалась, но без резины до сих пор лежит в моём письменном столе. Это память.

Катастрофы, однако, всё-таки случались. Однажды гуляли мы после школы во дворе, и вдруг к нам подходит красивый, лет на пять постарше парень с духовым ружьём. Просто лыжная палка и к ней стрелы из проволоки с поролоновыми шариками. Мы с расспросами — что да как? Он продемонстрировал. Все: «У-у-у-у, здорово!» «А пойдёте на помойку, там голуби». Мы радостной толпой, не чуя беды, со всем азартом отрочества валим на помойку. Голубю стрела вошла прямо между крыльев. И он пищал. Вот тут-то мы и поняли, какой ужас сотворил наш случайный кумир. Бить его мы не стали. Но поникшие головы и отвёрнутые носы вонзились в его нецеломудренную душу. И стало жалко его. До сих пор к голубям отношусь с особенным трепетом. Они отучили от жестокости.

Когда дед заболел — вся семья оказалась на моём попечении. Мама и бабушка уж очень переживали. Нужно было подавать пример самообладания и самодисциплины. Я не кис и не отчаивался. Моё спокойствие не было равнодушием. Женщины это чувствовали. И уважали во мне спасение силой. Силой сострадания к ним. Деду всё равно было уже

не помочь. У него был рак. Рак желудка. Иногда меня упрекали в бесчувственности, но я прощал. Впрочем, упрекали не вслух. Нужно было вести себя правильно. Что это за правильность — я не пытался сформулировать. Просто в доме была вибрация, которую ни в коем случае нельзя пускать внутрь. Психологи объясняют это простым благоразумием. Не можешь помочь — не тревожь.

Помню, мы с дедом ходили на рыбалку. Дело было в Суйде. Найдя длинные подмости, мы прошли в конец, то есть к центру озера. Закат дальновидно разлился над домиками, окружавшими озеро. Дальновидно, потому что это же вечерняя зорька, и надо как-то обставить это обстоятельство времени. У деда своей удочки не было. На вопрос «почему?» он ответил просто: «Я посмотрю». Я стоял с удочкой и радовался, что озеро и дед сливаются в моей душе в одно благодатное чувство. Наверное, это богоугодное занятие объединения с космосом можно было бы назвать «Сретенье», так как озеро преобразило деда в древнего старца, который познаёт (Бог знает как!) ставшего божественным внука. Наконец, у меня клюнуло. Я вытащил на поверхность вечернего озера довольно объёмного окушка. Перед тем как испечь рыбу на костре, дед взял жертвенного агнца в левый кулак и треснул ему по башке указательным пальцем правой. Я, с любопытством и совершенно без страха наблюдавший картину, поинтересовался: «Зачем?» Дед объяснил милостиво, что так он отрубил рыбе сознание, чтобы она не мучилась. Тварь жалеет, понял я. Вырубая своего первого антихриста, я помнил об этом правиле — убивать без острастки. «Твои стихи не похожи на тебя», — сказал мне один человек. «Ты замысловат не меньше, чем я похож», — ответил я бесстрастно, и Бог стал на мою сторону.

Дед очень волновался о моей психике. Предчувствовал, что в жизни будет много проблем. Я же не от мира сего...